

Социокультурная сфера: проблемы и опыт реформирования

Ю. М. Зендриков, С. И. Котельников

Введение

Российские реформы, пройдя 15-летний, преимущественно экономический и административно-политический отрезок дистанции, вплотную подошли к социокультурной сфере, где обнаружили фактор населения.

Позади осталась непредсказуемость электорально-перестроечных реакций населения. Арсенал инструментов предсказания и манипулирования мнением и голосами весьма внушителен. Впереди реформаторов ожидает подлинная проблема — дефицит знаний о самом населении, а не о его изменчивом мнении. С этой точки зрения — реформы только начинаются, а их основной смысл состоит в формировании управленческих знаний о населении России.

Наивные отраслевые представления об идеальном населении как собственнике здоровья, образования и культурных ценностей подвергнутся ревизии вместе с извечными российскими мечтаниями о самоуправляющемся населении, как были усомнены либерально-экономические упования о кормящем народ среднем классе.

Миссия ученого состоит в том, чтобы идти впереди реформ на расстоянии, достаточном для конструктивного влияния на процессы освоения и изживания элитой исторически пройденных, реализованных и зафиксированных в культуре проектов населения.

Среди образцовых реализаций французский гражданин, с вмененной обязанностью и конституционным правом на доступ к коммуникации с правящим классом; американец, рожденный быть мобильным в территориальном пространстве и в инфраструктуре социальных институтов, но связанный проектом цикла жизни среднего американца, встроенным в управление развитием потребления; британец, живущий среди традиций, за которыми присматривает специально выращиваемая элита; германский бюргер, усвоивший со школы идею нации как способ принудительного собирания земель.

Комплексные экспозиции, собирающие современные образцы таких проектов европейского «музея населения» нельзя создать на обозримом

плацдарме города, как это сделал Петр I в форме Санкт-Петербурга или на территории, как это сделала инженерная каста, употребив полиукладную, полиэтническую большевистскую Россию в качестве экспериментального полигона ВПК, а на европейское обозрение выставив реализации европейской мечты о равенстве, братстве, свободе. Сегодня требования к таким экспозициям слишком сложны для реализации. Перенос европейского опыта на образцах заменяется попытками заимствования средств управления процессами становления населения как субъекта целе- и ценностного самоопределения. Можно сказать, что предыдущие усилия реализовать участие масс в улавливании будущего, как одного из базовых принципов европейской цивилизации, теперь сошлись в этой перспективе.

Заметив этот тренд, экономисты сумели сместить инженеров у власти в России, но сошли дистанции, не найдя союзников. Почтенная идея экономического человека, отыскивающего целевую выгоду, адекватна управлению оптимизацией функционирования и не может служить достаточным инструментом целевой мобилизации населения при смене ориентиров развития. Рузвельт, обнаружив это в годы депрессии, пошел против идеологии экономического либерализма и правящего класса. Чисто экономический дизайн населения, без радикальных реформ всей социальной сферы сейчас приемлем для США, стран Центральной Европы и тех, что согласились на внешнее управление.

Перед Россией нового смутного времени стоит проблема дефицита способов такой консолидации элиты, которая включает осмысленную активность населения. Уникальность российского пути состоит в исторической роли фактора населения.

Анализ ситуации

Реформы в сферах деятельности, скрывающихся за именами «социальные» и «бюджетные» наталкиваются на трудности, за которыми уже можно различить принципиальные проблемы. Огромные средства, поступающие в здравоохранение, образование, ЖКХ по каналам национальных проектов обостряют вопросы, изначально поставленные реформаторами: как считать эффективность инвестиций и результативность деятельности. Если в экономически либерализованном хозяйстве эти сферы давно подчинены логике бизнеса и экономической рациональности, то перед нашими реформаторами стоит задача их подчинения какой-либо логике и рациональности.

С методологической точки зрения это не задача, а проблема, пока что не имеющая ни практического, ни теоретического решения в наших условиях перехода от хозяйства индустриального типа к постиндустриальному (посттехнологическому). Перенос западных образцов, начавшийся

в 1991 г., был практически остановлен еще до попыток реформирования «социалки», этого потребовали полуразрушенные (на языке экономизма «недоинвестированные») инфраструктуры хозяйства страны: энергетика, транспорт и прочие, проходящие ныне по «ведомству» национальных проектов и в рамках формирования пакета госхолдингов.

Именно здесь и заложена одна из проблем: нужно ли социокультурную сферу категоризовать как «инфраструктуру», например как инфраструктуру социокультурных услуг и подводить под статус недоинвестированной. Пока что, за неимением принципиального ответа на этот вопрос, инвестиции направляются в то, что может быть понято и истолковано, как материальная инфраструктура, функционирование которой не подчинено логике результативности и эффективности, в то, что, казалось бы, обеспечивает бесперебойное функционирование. Средства направляются в оснащение здравоохранения оборудованием, школ компьютерами, в коммунальном хозяйстве решили провести тотальный ремонт.

Сфера культуры же всегда финансировалась «материально», достаточно указать, что как в бюджетах, так и программах развития до 80 % средств направляются на строительство и ремонт разнообразных и многочисленных «объектов» культуры. Означает ли этот факт, что культура уже не будет включена в мейнстрим национальных проектов? Неожиданно культура оказалась на острие проблемы рационализации и превратилась в экспериментальный полигон экономизма: решено разобраться с «объектом» инвестиций, — с учреждениями культуры. Схожие тенденции имеют место и в здравоохранении с образованием: там разворачиваются проекты укрупнения и слияния учреждений, однако пафос экономического реформизма указывает именно на учреждения культуры, — вдруг стало непонятно, что это такое: музеи, библиотеки, дома культуры, памятники на чьем-то балансе. Непонятно в разнообразных смыслах и значениях, прежде всего, **каковы функции этих учреждений?** При социализме они были отягощены идеологической функцией, теперь же приходится заниматься инвентаризацией естественно складывающихся функционалов и отделять «зерна от плевел»: от казино, фитнес-клубов и сект в домах культуры, от малоосмысленной (на фоне тотальной интернетизации) выдачи книг в библиотеках, от обязательных школьных экскурсий в музеях и галереях, от финансовых претензий «свободных творцов» на ниве театра, от того же строительства и ремонтов.

На теоретико-деятельностном языке эта необходимая работа называется **отделением деятельностных функций от морфологии**. Она должна сочетаться в режиме экспериментирования с другими неотложными работами: с выяснением соответствия каждой функции текущей морфологии, пробным функциональным проектированием, перефункционализацией морфологии и др. Анализу проблем и опыта подобной работы посвящена данная статья.

По некоторым причинам именно сфера культуры более других благоприятствует таким экспериментам и накоплению уникального опыта. Во-первых, здесь велико разнообразие морфологии (учреждений) со слабо определенными функциями, следовательно, потенциально поддающихся рефункционализации. Учреждения, как формальный субъект освоения инвестиций, уступают в борьбе за них корпоративным группировкам. Во-вторых, сами функционеры склонны к пересамопределению и поиску новых функций и миссий в условиях реформаторского давления со стороны Минфина и Минэкономразвития. И наоборот: в сферах здравоохранения, образования, а особенно это заметно по коммунальной, — после фактической утраты учреждениями госстатуса, они отличаются весьма агрессивным навязыванием населению т. н. «услуг», якобы в рыночной логике, но под диктовку «акул» фармакологического и прочих бизнесов. Они чрезвычайно консервативны в силу высокой степени профессионализации и слабой ориентированности населения. Населению кажется, что выбирать особо не из чего, что, впрочем, недалеко от истины, несмотря на т. н. «альтернативную» медицину, на якобы альтернативные формы образования, включая такую модную экзотику, как экстернат, несмотря на попытки муниципалитетов подтолкнуть население к коммунальной самоорганизации в форме ТСЖ и прочих малоперспективных (по наделяемым правам и ресурсам), как и ДЭЗы, образований. Многолетний дефицит опыта самоопределения и коллективной самоорганизации у населения является основным (наряду с дефицитом управленцев) тормозом реформ «социалки»: население не располагает действенным знанием ни о здоровье, ни об образовании, ни о коммунальном хозяйстве.

Дефицит способности самоопределяться и осваивать культуру также огромен, но здесь гораздо больше того, что можно назвать «свободой поиска» при скудости содержания предложений. Мы имеем в виду не конкурентность услуг, — в образовании и медицине она не менее велика, — речь идет о быстрой сменяемости форм массового ококультурного досуга, об их очевидной «пустоте», о феномене «культурной пустыни» на фоне буквально «жажды», огромного спроса на образцы поведения.

Казалось бы, при таких культурных дефицитах «карты в руки» должны быть переданы образованию, однако возникшая в 1990-х гг. рыночная ориентация его на подготовку кадров к рыночному же спросу, болезнь «затоваривания» такими ходовыми профессиями, как юрист, экономист, бухгалтер, употребление молодежью и родителями университетов для отсидки перед «броском в жизнь», стратегический провал в определении перспектив образования, — все это надолго оставляет сферу культуры без образовательной поддержки. Функции образования в автарчном индустриальном хозяйстве не были отрефлектированы и перепроектированы, произошла его «американизация» в рамках более мощной глобализованной геотехнологической и геоэкономической формы организации хозяйства

с центрами управления далеко за пределами страны. Инновационные проекты начала 1990-х гг. заглохли. Планируемый ныне госхолдинг ведущих университетских центров в лучшем случае начнет закрывать указанный стратегический провал в важнейших для хозяйства страны профессиях.

То же самое можно сказать и про дефицит необходимой помощи культуре со стороны здравоохранения и коммунального хозяйства, — она заблокирована: проще проглотить таблетку, чем сменить образ жизни, проще вложиться в евроремонт квартиры, чем объединить усилия по рекультивации среды обитания. Мы перестали отличать ценности от товаров, вслед за эпохой отчуждения от производства (по Марксу) нас постигло отчуждение от потребления.

Вследствие сего трудноразличимые за стенами учреждений субъекты сферы культуры, лишённые всяческих опор, будут вынуждены самоопределяться и это вселяет надежды на ее реформируемость. С этой точки зрения, именно сфера культуры со временем может подтолкнуть к пересамопределению других субъектов «социалки», прежде всего профессионалов, потерявших ориентиры развития в условиях геокультурного слома. В пользу таковых надежд свидетельствуют отнюдь не одинокие попытки формирования региональных и муниципальных программ развития культуры, где за терминами «человеческий и социальный капитал» скрываются пока еще туманные смыслы, противостоящие ценностям индустриального общества. За ними скрыто стремление восстановить утерянный потенциал влияния на общественные изменения, равномошный потенциалам идеологии и религии, стремление вырваться из тисков американизированного технологического и потребительского детерминизма, стремление участвовать в формировании новых ориентиров и приоритетов для новых общественных слоев. Отделенная от функционала госидеологизации, оплакавшая свою неприкрепленность к государству и открестившаяся от соблазнов товарной технологизации общества, сфера культуры являет ростки нового понимания своей миссии и новые способы организации «потребления культуры».

Сфера культуры может быть понята и признана сегодня как перспективный полигон обкатки новых принципов, проектов и программ общественных изменений, благо ближняя по времени цена ошибок здесь меньше, сравнительно с другими социализированными отраслями хозяйства и сферами деятельности, в силу указанной выше слабой прикрепленности функций учреждений культуры к их морфологии.

Необходимые методологические замечания о подходе

Введенный выше жанр анализа **ситуации** позволяет не фокусироваться преждевременно на таких организованностях прожективных подходов как **цели** (указывающие на конечный результат) и **объекты** рефор-

мирования, сохраняя соразмерную ситуации степень неопределенности в выборе будущего, в том числе искомым целей и объектов. Единственный выбор и целеуказание, следующее из анализа ситуации — это указание на сферу культуры как на перспективный полигон реформационных проб, гораздо менее болезненный по социальным последствиям, чем другие социальные сферы и потому менее инертный.

Первое методологическое замечание должно быть отнесено к проблеме временизации последствий проектно-реформаторских усилий. Меньшая инерционность сферы культуры не означает меньшей значимости последствий ошибочных попыток. Просто эти последствия скажутся гораздо позднее, их трудно предвидеть. В этом смысле таковые последствия гораздо более значимы и опасны. Отсюда следует необходимость и большего внимания проектировщиков к предпроектным обследованиям и анализу ситуации.

В отличие от проектного, в программном подходе к реформам анализ ситуации и проблематизация дополняют и «страхуют» целеопределение и выбор объекта реформ. Происходит это за счет рефлексивного охвата целеопределения другими процессами: каждая сдвигка в целеопределении должна сопровождаться новым анализом ситуации, сменой объекта и перепостановкой проблем.

В данной статье мы не намерены углубляться в целеопределение за пределами постановки экспериментальных (находящихся в контексте обследований) целей. Всему свое время. Социокультура не терпит спешки. Однако промедление здесь «смерти подобно».

Второе замечание должно быть отнесено к указанию о срочности работы по инвентаризации функций учреждений культуры и их отделению от морфологии. Эта работа находится вполне в рамках жанра анализа ситуации и рефлексивно «застрахована» от ошибок преждевременного проектирования в том смысле, что функциональная аналитика должна подчинять себе пилотное функциональное проектирование. Мы не можем позволить ошибок, постигших реформы в других социальных сферах: в здравоохранении монетаризация услуг выбрала «услуги» как объект реформ вне ситуационного анализа их реального функционирования, скоростной ремонт здоровья по американским образцам с целью возвращения пациента на рабочее место остается фиктивным идеалом, «фальшпанелью» отечественной медицины на фоне процветающей индустрии вольного и невольного обмана; в ЖКХ навязывание населению вымороченных оргформ самоорганизации идет вне инициации и анализа реальных процессов самоорганизации; в образовании либерализация выбора учителями или учениками содержания образования провоцирует неисчислимые разрушительные последствия вследствие тотальной неготовности к такому выбору. Все это несовместимо с программным и даже проектным

подходом вследствие отсутствия в реформах достаточной системной аналитики, в частности **не было проведено расслоение функций и морфологии объектов реформ.**

В сфере культуры такую аналитику, такое расслоение функций и морфологии и инвентаризацию функций можно обеспечить меньшими усилиями по причине их меньшей «склеенности», меньшей неразличимости. Мало кто из реформаторов осмелится сегодня говорить, что школы и вузы выполняют не образовательные функции, а готовят кадры и удерживают молодежь от асоциального времяпровождения; что больницы не лечат, а обеспечивают оборот койко-мест; что ДЭЗы, слившиеся со стройбизнесом, не содержат фонд недвижимости, а зарабатывают на его износе и разрушении. Но по отношению к учреждениям культуры уже готовы услышать не менее резкие выводы, не хватает только собственно аналитических исследований, делающих разруху очевидной.

Уже очевидно, например, что мнимые функции учреждений культуры существуют преимущественно в противоречивой словесно-смысловой оболочке, в бумагах бухгалтерских, бюджетных и квазипрограммных документов (вплоть до федерального уровня), вдалеке от реальных дел и действий, что идеология свободы творчества, защищавшая деятелей культуры и искусства в худшие времена, сегодня прикрывает неумеренные аппетиты, бездеятельную нищету или, в лучшем случае, — еще не разрешенные или не кодифицированные начальством инициативы с неясными функциями. Под прикрытием слов, вне всяких реформ происходит и реальная, неконтролируемая перефункционализация и переупаковка морфологии.

Третье методологическое замечание состоит в доопределении функций самой аналитики в контексте проектного и программно-целевого подходов. Аналитика уже при постановке служебных исследовательских целей и задач должна рефлексивно учитывать и снимать возможные цели, объекты (хотя бы категориально определенные) и принципиальные проблемы проектирования. Аналитика привязывает проектирование и программирование, с одной стороны, к общественно значимым проблемам и централизованным реформаторским усилиям, а с другой — ориентирует на «естественные» инициативы и процессы. Аналитика не есть внешняя критика, хотя содержит ее элементы, **аналитика инициирует публичное целе- и самоопределение потенциальных субъектов реформ и доопределение целей и объектов реформирования.**

В данном случае аналитическое видение фиксирует неизбежность перемен в сфере культуры под искусственным давлением реформ, с одной стороны, и естественных тенденций в ней, с другой стороны. Эти перемены из хаотических должны быть превращены в управляемые с использованием проектного и программно-целевого подходов. На данном этапе инстру-

ментами управления переменами должны стать, помимо аналитики, эксперимент и пилотная перефункционализация учреждений культуры в рамках программирования регионального культурного развития.

Страна, социальные машины и социальные агрегаты

Четвертое методологическое замечание должно коснуться, с одной стороны, темы данной статьи, в которой упомянут неясный смысл о социокультурной сфере или «социокультуре», с другой стороны, дополнительно объяснить наше внимание к населению. Ни социокультура, ни население, как термины, не могут сегодня претендовать на статус понятий и объектов мысли, следовательно, представления, как бы стоящие за этими терминами, не могут быть средствами ни проектирования, ни программирования, ни претензий на рационализацию реформаторских усилий. Они лишь указывают в языке на созревшую цивилизационную проблему.

Ни население, ни социокультура не интересны ни реформаторам, ни политикам, особенно в России, для их прожективных амбиций население всегда было помехой, головной болью. Однако, как показал XX в., неучтенный фактор населения будет мстить за это небрежение все более жестоким образом. Нельзя вовлекать массы в поход к будущему, рассчитывая на их снисхождение к ошибкам и просчетам. При единовластии, единоверии или при полисной демократии проектировщику не было особой нужды обращаться за помощью, к массам. Многие решали властители или лидеры влияния и это им удавалось благодаря естественности механизмов воспроизводства власти, небольшим размерам греческих городов, или единой имперской вере. Новое время в Европе вызвало к участию в проектировании массы и смешало народы уже не на одной территории, а в одном пространстве противоборствующих знаний, мнений, убеждений, образов жизни. Более того, демократия, оставаясь идеалом Европы, поощряет разнообразие, доводя до крайностей постмодернистский хаос. Европейская идея экономического либерализма, свободного рынка и пр., снижающая ответственность за решения с управленца и возлагающая риски на население, лишь усугубляет кризис.

С точки зрения этой перспективы можно увидеть, что каждая страна сегодня, являясь все более прозрачной для разнообразных фантазий, проникающих прямо к населению, минуя железные занавесы, культуру как естественный барьер и даже мимо СМИ, потерявших собственное самоопределение, — каждая страна по своему представляет из себя этот новый мир с его цивилизационной проблемой. Особенно это касается России, такова ее историческая роль. Ее население, давно переставшее быть

социально стратифицированным, культурным в общепринятом смысле культуры как набора уникальных традиций, ее население непредсказуемо в своих реакциях на реформы.

Попытки описать современные механизмы социокультуры, способные учесть новые реалии, ограничены представлениями, близкими к понятиям социомшины и социального агрегата. Социальный агрегат, это некая общность, разделенная барьерами несовместных действительностей, пребывание в каждой из них гарантирует выживание. С 1991 г. в России модным стал экономизм, проявляющийся в социальном поведении экзотическими формами. Во времена горбаческих очередей за дефицитом продажа места в очереди называлась услугой. Позднее наметился средний класс, во многом из криминальных лиц и коррумпированного чиновничества. Этому «среднему классу» противостоят «бедные», оснащенные идеологией равенства и воспоминаниями о СССР. В любом коллективе, бюджетном или рыночном, можно обнаружить минимум эти два воюющих «страта» в разных пропорциях. Что их удерживает вместе, в одном коллективе, в одной стране? Тот простой факт, что война идет везде, уходить некуда. Бедные выступают для среднего класса в качестве негативного образца, и наоборот, средний класс является для бедных объектом претензий и оправданий собственной немощи. Соответственно, экономика страны разделена на кластер для бедных, снабжаемый Китаем и отечественной продукцией, и кластер для среднего класса, ориентированного на товары и ценности Западной Европы; туда «средние» не уезжают, понимая, что их там не ждут.

Социальный агрегат мгновенно превращается в интегрированную однородную социальную машину при угрозе реформ, а в их отсутствие тренирует этот режим на начальстве, стоит только тому отделиться от коллектива. Именно так ведут себя в условиях реформ многочисленные коллективы бюджетных учреждений (о чем ниже).

Аналогия, иллюстрирующая суть ситуации в социокультурной сфере

В качестве аналогии привлечем инициированный Корбюзье эпизод «культурной революции» в строительном проектировании и градостроительстве. Корбюзье ввел в архитектурное творчество принципы проектирования, основанные на отделении функций элементов конструкции зданий от морфологии этих элементов и на инвентаризации функций строений. Несущая функция наружных стен, например, далее была перенесена на бетонный каркас здания, стенам же была оставлена функция световой инсоляции окнами, что позволило резко расширить возможности дизай-

нирования фасадов. При этом Корбюзье опирался на новые возможности поэлементного изготовления и монтажа, изобретенные в промышленной инженерии, в результате чего строительное проектирование резко расширило спектр профессиональных позиций за счет сферы инженерии и производства и оттеснило архитектора с первого плана.

Пользуясь этой аналогией, можно поставить вопрос: какие позиции, кроме экономистов и многочисленных функционеров социокультурной сферы, должны участвовать в ее постиндустриальном перепроектировании и реорганизации?

Поверхностный взгляд на состав профессиональных позиций, имеющих непосредственное отношение к социокультурному администрированию на территории и в структурах так называемого местного самоуправления в России, обнаруживает большее разнообразие, чем компания реформаторов. Кроме финансистов, призванных к реализации гайдаровской идеи финансового федерализма, и немного понимающих их в силу сходного макрообразования экономистов, мы находим многочисленных отраслевиков, совмещающих администрирование с депутатским лоббированием своих задач, правовиков в поисках компромиссов с субъектом федерации на предмет разделения полномочий и средств их реализации, политикующих собственников и распорядителей различных ресурсов, предпринимателей, «прижатых» к схемам торгового бизнеса, прослойку персон, преимущественно в местных СМИ, претендующих на влияние в сфере общинной морали, наконец, бойцов за здоровье, образование и культуру, принимающих ныне на себя реформаторские порывы. Уговорить эту компанию на возврат к простым схемам XIX в. экономического или трудового человека никому не удастся. Следовательно, территориальный администратор и под «огнем» реформ продолжит ситуативные игры и будет увязывать не теоретические представления о населении и о социокультурном будущем территорий, а интересы людей, занимающих места в спускаемых реформаторами схемах дележа бюджета.

Тем не менее исследователю, стремящемуся быть готовым к вопросам, нужно ожидать их от администраторов, попадающих под удар реформ в надежде на такое их самоопределение, которое облегчит переход администратора в позицию территориального управленца.

Что нужно инвентаризовать?

Из этих размышлений следует, что реформам сферы должен предшествовать этап инвентаризации способов употребления бюджета в ней. Организационная точка зрения, озабоченная проблемой «мягкого старта» реформ может состоять в том, что реформы должны начинаться с испуга от них

и попыток действия в условиях неопределенности. Далее в таком сценарии за процесс берутся управленцы и запускают ревизию исходного проекта на основе инвентаризации реальных расходов. По-видимому, таков был вынужденный ход в проекте монетизации льгот, однако кризисные управленцы оказались без средств инвентаризации и, следовательно, вне управления.

Одним из результатов рефлексии ошибок монетизации стало усиление давления Минфина на структуры местного самоуправления с целью принудить их к инвентаризации реальных расходов в форме т. н. «расходных обязательств» и «бюджетных обязательств». Однако пока на местах с успехом пишут фиктивно-демонстративные отчеты, формально правильно заполняя клетки учетных форм.

Инвентаризация действительно должна начинаться «снизу», от машин употребления, наиболее близких к населению, с тем, чтобы вопросы, наподобие сакраментального «зачем населению койко-дни», наконец получили вразумительный публичный ответ. Из выше изложенного ясно, что ответ предрешен. Койко-дни нужны больным, стремящимся хотя бы на время скрыться от непонятного, всепроникающего социального давления, действительно провоцирующего серьезные болезни, как форму бегства. Койко-дни нужны администрации учреждений здравоохранения для заполнения коек скаучающими, беспризорными старушками, для поддержания на плаву врачей, не вписавшихся в рыночную медицину, для практики студентов медвузов, для финансирования диагностики и терапии сложных случаев, без чего амбициозная, талантливая молодежь забудет дорогу в бюджетные больницы и поликлиники и т. п. и т. д. Как можно инвентаризировать и реформировать эту «кашу»?

Одна из наиболее продвинутых версий рационализации предлагает включение проектирования социальных реформ в контекст программирования регионального социокультурного развития.

В ней есть разные варианты переосмысления процедур инвентаризации расходных обязательств. Один из них категоризирует расходы как целевые и настаивает на инвентаризации целей расходов в предположении, что цели (от стратегических до оперативных) могут выполнить роль первичного конфигуратора позиционного самоопределения территориальных игровых в структурах местного самоуправления.

Необходимые методологические разъяснения: проектный и программный подход

Программный подход к управлению региональным развитием рассматривает процедуры целеопределения и целеполагания одновременно как детерминированные прорисовкой объектов управления, так и детерми-

нирующие эту прорисовку. В этом состоит отличие программирования от проектирования. В последнем нет перманентной взаимодетерминации.

Проектирование движется преимущественно в заранее известных схемах объекта проектирования, уже после того, как решена проблема конфигурирования знаний разных специалистов. Например, в сфере развитого строительного проектирования имеется набор таких прототипов и богатые библиотеки элементов с валентными связями для подчинения процедур конструирования объекта проектному замыслу. Библиотека кардинально облегчает взаимодействие специалистов на проектных макетах и на плацдармах привязки объекта к ситуации. Объект проектирования в проектных технологиях такого типа совпадает с целью генерального проектировщика (часто эту роль играет архитектор), отвечающего за сборку представлений и способов деятельности частных специалистов: изыскателей, социологов, специалистов по фундаментам, коммуникациям, материалам, интерьеру, энергетике и пр. В этом смысле генеральный проектировщик является оргпроектировщиком. Проектные прототипы, решающие задачу увязки представлений специалистов, таким образом, освобождают проектировщика от ответственности за развитие и передают его в подчинение управленцу.

Программист принимает ответственность за развитие таким образом, что разделяет процессы целеобразования и прорисовку объекта, но при этом не может принять решение об окончании цикла их взаимодетерминации. Это дело управленца, который штабные функции оргпроектировщика и программиста должен увязать с ситуационным анализом и добиваться адекватной привязки целей и контуров объекта проектирования к ситуации, в том числе учесть неустранимую рефлексивность агентов социокультуры и ее способность не только сопротивляться проектам преобразований, но и способность играть с оргпроектировщиками. С этого момента можно говорить о появлении объекта управления развитием.

Средством конфигурирования представлений об объекте в команде специалистов для программиста и управленца служит категория системы¹, в которой различены минимум 4 плана — процессов, функциональных структур, морфологии и материала, каждый из которых имеет свою логику оперирования. Все четыре плана рассмотрения объекта взаимодетерминированы. Для понимания способа внедрения системных планов в «действительность» различных специалистов и в проекты обратимся к американскому проекту населения, задействованному в программе преодоления кризиса 1930-х гг.

¹ *Щедровицкий Г. П.* Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975. С. 9–176.

Америка Рузвельта

В американском задании на проект от программиста проектировщику содержалась целевая идея мобильности населения как ресурса освоения и развития регионов. Идея служила конфигуратором различных представлений о стратегических направлениях развития. Перед Рузвельтом стояла ситуационная проблема, зафиксированная в языке производственно-технологического менеджмента как перепроизводство. Этот язык был заимствован политэкономией и использовался социалистами в качестве аргумента против рыночной организации хозяйства.

Сталин даже в конце 1950-х гг. все еще считал необходимым воспроизводить непосредственный продуктный обмен. Автономность процессов потребления ликвидировалась и оно подчинялось производственным целям (проектам). Соответственно этим представлениям население должно было жить и потреблять непосредственно при производстве: в приданном ему «соцкультбыте» как формы социальной сферы². Ее прокламируемым достоинством было потребительское равенство, соответствовавшее идеологии и социальной однородности общества. Среди реальных недостатков — монопроизводственные поселения, терявшие смысл своего существования при закрытии производства. Привязанное к территориальному производству и соцкультбыту население не могло быть мобильным ресурсом развития страны. Такой ресурс пришлось создавать специально в форме закрытых городов и ГУЛАГа.

Построенное на ситуационном анализе американское решение было иным. В управленческом арсенале Рузвельта не доставало позиции, способной стать субъектом — носителем новых постиндустриальных процессов, прежде, всего, процессов доставки товаров и услуг за пределы производственных центров, где они были в избытке и обесценились. Но Рузвельт-политик, противопоставившись действующим игрокам, сделал все от него зависящее, чтобы создать нового игрока — мобильное население. Для начала он дал молодежи возможность заработка на строительстве дорог в рамках государственной программы. Затем превратил массовый автомобиль Форда из городской телеги в средство передвижения семьи по дорогам Америки в поисках работы. Заставил развивать придорожную инфраструктуру, придав освоению территорий новый импульс. Надстроил над замыслом идеологию, предметизовав индивидуальную саморганизацию переселенцев в мечте среднего американца о своем доме и автомобиле. Модернизировал финансовые и правовые институты с тем, чтобы предоставить новым и старым игрокам оперативную мобильность за счет

² Подробнее в кн.: Жукова Т. И., Сазонов Б. В., Страшнова Л. Ф., Страшнова Ю. Г. Социокультурные проблемы в муниципальном управлении. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007.

избавления от имущества путем его продажи. Государство ввело принципы рыночной конвертируемости имущества, недвижимости. Американец не привязан к имуществу и даже к конкретной семье. Если нужно сменить место работы или потребительский страт — не задумываясь, разведется. Символом Америки и образа жизни населения стал автомобиль. Вплоть до 1960-х гг. до 40 % семей жило в многоквартирных трейлерах, переезжая к новой работе (к специальным площадкам, с подведенной канализацией, энергией и прочими элементами городской инфраструктуры) в соответствии с изменяющейся квалификацией, рынком рабочих мест и пр. Для проектировщиков исчез целый класс ограничений, связанный с необходимостью жесткой привязки производства к расселению, появились программы территориального развития.

Проект информационного общества, на котором США сумели обойти японский проект мировой доставки товаров, эксплуатирует ту же идею мобильного населения, которому теперь не нужно доставлять себя к месту очередной работы, достаточно получить заказ и отослать продукт по Интернету. Автомобилизацию мира отдали Японии. До этого проекта действовал и продолжает действовать проект встраивания экранных технологий вменения стандартов потребления и образа жизни в хозяйство США и других стран. Голливуд стал фабрикой грез не только для американцев.

Процессуальный и структурно-функциональный взгляд на конструкцию населения в США улавливает вполне определенный объект проектирования — т. н. цикл жизни. В приложении к среднему американцу это значит, что ему вменяется с детства знать все о потребительских качествах массовых товаров и услуг, и тренировать самоорганизацию предложения себя в качестве носителя услуги. Американская школа (т. н. «реальная», в отличие от «иллюзорной», назначенной для социализации цветных) и вуз есть место отбора кандидатов в места технологических мегамашин потребления. Результатом этой жизненной гонки является свой дом и парк автомобилей. Заканчивается цикл продажей дома страховщикам и медицинской компании, поддерживающей мобильность пенсионера еще 20 лет. Наследникам ничего не передается, они должны жить в своих циклах. Это и есть Америка в проекции на население.

Окончательно сложившаяся уже после Второй мировой войны конструкция населения США, фактически стала ответом на проект СССР — на усеченную реализацию утопии марксизма о возможности создания общества, не отчуждающего родовую сущность человека. Принято считать позднего Маркса экономическим детерминистом, но на самом деле поиски им механизмов отчуждения в экономической действительности и сопутствующая идеология и социология труда и капитала стали лишь предметизацией метафизики отчуждения, перекликающейся с христианской метафизикой спасения. Ответ Рузвельта на проект ликвидации отчуждения труда капиталом

в СССР был «асимметричным», — отчуждение труда в Америке было политкорректно (по отношению к идеологии либерализма) прикрито отчуждением индивидуального потребления в цикле жизни среднего американца.

Что хорошо для американца, плохо для россиянина

Россия не будет жить, как Америка, однако принцип мобильности населения всегда играл решающую роль в переломные эпохи. Другое дело, что мобильность населения в России чаще всего не проектировалась, она создавалась сверхискусственно — у населения просто все отбирали и вставляли «голым» в конструкции инженерии или экономизма. Одновременно решалась задача смены поколений и смены генерации властвующей элиты. В XXI в. такое, мы полагаем, не получится.

От того, в каких профессиональных действительностях будет поставлена задача мобилизации/мобильности населения и как эти действительности будут сконфигурированы в управленческом и политическом мышлении, зависит и конечный результат — последующая свертка мобильности в циклы жизни, которая определит социокультурное лицо России в XXI в. Россия до сих пор служила полигоном трансформационных экспериментов, которые Европа в XX в. стала оценивать сквозь рамки социальных последствий, минимизируя саму возможность бунта масс. Претензии к нам до сих пор предъявляются из несоразмерных нашей истории представлений о демократии, правах человека, политкорректности и пр. Россия должна частью принимать эти претензии в меру реальной включенности в решение проблемы взаимодействия культурной и социальной составляющей общественного и регионального развития (отсюда представление о социокультурном как о морфологии, изменяющейся в результате искусственных воздействий и одновременно — по собственным законам).

Пока что реформы и другие попытки оргуправленческого действия не имеют стратегической перспективы, что с одной стороны соответствует статусу России как мирового экспериментального плацдарма, с другой — угрожает перевести смуту в неуправляемый взрыв. Исторический вызов состоит в том, что в отличие от смуты XVI в. и 1917 г. у России нет потенциальной рамки для сборки осколков — ни православной, ни модернизационной как у Петра I или большевиков. Экономисты уже сказали свое не слишком удачное слово, в очереди никого не видно. Россия нуждается в исторической паузе с тем, чтобы вернуться из социального пространства в социокультурное. Проектирование циклов жизни в привязке к территориям и создание страны как парка соответствующих социокультурных образцов — такова цель ближайших десятилетий.

Методологическое замечание

Прорисовка картин объекта тесно связана с вопросом, какие позиционные представления и схемы объектов (действительности) из арсенала позиций, имеющих интересы в социокультурной сфере, должны быть задействованы в первую очередь в результате первого полагания объектной рамки в мышлении управленца. Забегая вперед, скажем: это, в первую очередь, позиция финансиста, во вторую — правовика.

Циклы жизни — одно из очевидных направлений прорисовки контуров объекта реформирования, проектирования и управления в социокультурной сфере. Мы не обойдемся без новых представлений об объектах проектирования, без ревизии укорененных в мышлении администраторов устаревших представлений об объекте, в частности о т. н. услугах. В противном случае нас ждет быстрое усиление социальных агрегатов и социальных машин.

Через идею цикла жизни как объекта в социокультурном проектировании могут быть имплантированы идеальные объекты, подходы и методы многих позиций и решены некоторые проблемы самого проектирования. В частности, речь идет о проблеме расчета цикла жизни самого объекта проектирования, утилизации его остатков и последствий реализации проекта. Индустриальный проект социализма мыслился вечным, но неожиданно рухнул, оставив живущим проблему утилизации его социокультурных осколков. «Удвоение» схемы объекта (цикл цикла) и расчет цикла жизни другого цикла требует серьезной категориальной подготовки, например различения и конфигурирования в материале объекта проектирования, процессов воспроизводства, развития, функционирования и захоронения. В теории деятельности рефлексивное встраивание этих процессов в картину объекта привело к появлению представления о сфере деятельности, которая обладает свойством возникать и отмирать. Схожими оперативными потенциями обладает представление о регионе и сам регион как объект проектирования.

Другая проблемная перспектива развития социального проектирования связана с человеком. Людей нельзя категоризовать подобно материалу инженерных конструкций, который можно подгонять под функциональные требования проекта. В принципе можно пытаться переделывать и людей, что собственно и происходило в XX в., но сегодня мы знаем, что ни к чему хорошему это не приводит. Человек может и вправе реагировать на предлагаемое ему проектом как разумное существо, т. е. может менять проект, и, в пределе, на категориальном уровне следует считать, что проекту противостоит не материал, а другой проект, другое мышление и мыследеятельность.

«Экономизация» населения, его права и обязанности

Сейчас экономическая активность в социальной сфере, в частности в образовании и здравоохранении, заторможена или частично отпущена в «тень» на собственный «прокорм». «Социалка» стала предметом фискальной заботы о «бедных», предметом борьбы за распределение бюджетных статей, которая сдерживается негласным договором о ненарушении баланса интересов и скрытой «арендой» ресурсов социальной инфраструктуры отраслевым менеджером. Производство прошло этот этап неэффективной «приватизации» в середине 1990-х гг.

Ставка реформаторов пенсионной системы, например, сделана на растянутую на пятнадцать лет замену поколения и постепенное увеличение доли самодельного населения, способного содержать семью. Нет механизмов повышения цены нелегализованного наемного труда в пока действующей солидарной системе пенсионного обеспечения. Пенсионная реформа не затрагивает тех, кто имеет счета в банках, дачу и т. д. Им пенсионная система «до фонаря», поскольку из зарплаты 2000 долл. пенсия составит 700 руб. Формирование негосударственных пенсионных фондов сдерживается невозможностью среднесрочных управленческих расчетов.

Институциональная «беспризорность» активной персоны, гражданина, публичная невыраженность ее интересов должны быть устранены или компенсированы во избежание усугубления управленческого кризиса. Дело не в теневой экономике, а в том, что поскольку не достроены некоторые субъекты и соответствующие им институты, то они замещаются другими, на которые и перекладываются их функции.

За скрытую в экономической «тени» персону не должны платить налоги предприятия, построенные как институт и доступные налоговому администрированию. С другой стороны, недопустимо вместо гражданина финансировать дотациями убыточные предприятия и учреждения социальной и культурной сферы. Экономические интересы гражданина не должны «делегироваться» чиновникам.

С этим связана и проблема социальной реформы: то, что нужно реформировать, никак не представлено. Социальная защита и протекция не должны строиться по отраслевому принципу, иначе ресурсы попадают в кабинетную борьбу отраслевых администраторов и в теневую часть отраслевой экономики, где невозможно отличить бедного от богатого. В социальной сфере необходим расчет и адресная защита интегрального хозяйственного баланса лица или семьи. В этом контексте нужно начать обследование и управленческую легализацию теневых доходов бюджетников.

В России необходимо в первую очередь сформировать обладающий силой принуждения финансово-экономический институт гражданина и иных субъектов — в связке с правовым институтом, поскольку акты в социокультурной сфере сегодня не имеют правового статуса. Это скорее противоречивые ведомственные указы, ориентированные на функционирующую учрежденческую морфологию, в дебрях которых правовика вынужден подменять адвокат, т. е. специалист, работающий с конкретной морфологией, но не с ее функциями.

Точно так же у нас нет финансистов по понятию, работающих с назначением финансовых ресурсов, есть бухгалтеры.

До и вместо проектирования происходит планирование расходов

Слабое функциональное видение у финансистов проявляется при разделении этапов бюджетного планирования. С одной стороны, идеологи реформирования бюджетного процесса выделяют этап правового обоснования предстоящих расходов, вводя такой блок планирования как расходные обязательства бюджета. При этом в предыдущем Бюджетном кодексе под расходными обязательствами подразумевался список нормативных правовых актов, договоров и соглашений, в которых точно указывается на предстоящие расходы бюджета в функциональном смысле, а не в морфологическом. Что это значит?

Реестр расходных обязательств это публичное предъявление направлений, объектов и прочих конкретных намерений при подготовке проекта бюджета, но не конкретные суммы финансирования. Например, в постановлении представительного органа муниципального образования звучит, что оплата расходов на компенсацию услуг населению по доставке детского питания будет производиться за счет средств местного бюджета. При этом можно не указывать конкретную сумму, так как она зависит от конкретной экономической ситуации данного муниципального образования и будет зафиксирована уже в бюджетном обязательстве, а затем закреплена в денежном обязательстве для конкретной организации в рамках бюджетной росписи. Но поскольку функциональное разделение разных обязательств не понимается как рабочий инструмент, то последними поправками в БК реестр расходных обязательств обязали оценивать конкретными суммами, а это привело к тому, что правового обеспечения бюджетного процесса как не было, так и нет. Получилась забавная ситуация, когда, выполняя приказ Минфина № 67-н и рекомендации региональных финансовых органов, муниципальные финансисты оказались совершенно незащищенными перед проверками Прокуратуры, поскольку Прокуратуру

интересует не столько объем финансирования, сколько его юридическое обоснование.

В прошлом таким обоснованием было Решение о бюджете, в котором законодательно закреплялось, кому и сколько платить, но в БК в гл. 10 ст. 65 написано, что формирование расходов бюджета осуществляется в соответствии с расходными обязательствами, обусловленными установленными законодательством РФ разграничением полномочий. Следовательно, реестр расходных обязательств, как правовая форма закрепления расходов, должен быть до Решения о бюджете, а не наоборот, как это пока сохраняется. Представляемый реестр расходных обязательств, согласно Приказу № 67-н, выполняет роль среднесрочного прогноза расходов по соответствующим полномочиям данного бюджета, а не роль правового обоснования расходов данного бюджета.

Реестр расходных обязательств поэтому ни в правовом, ни в финансовом смысле пока не закреплён как функциональный инструмент финансиста и, фактически, является инструментом главного бухгалтера, отвечающего за исполнение бюджета. Но именно эти позиции финансиста и правовика необходимо формировать и оснащать инструментально в реальных ситуациях на примере реформ социокультурной сферы.

Таким образом, отсутствие функционального подхода в работе соответствующих ведомств приводит к смешению содержания работ, растёт путаница в головах самих реформаторов: нет ни реестра расходных обязательств, ни среднесрочного финансового плана, ни докладов о результативности расходования бюджетных средств и новых форм бюджетного процесса, а остается привычный всем бухгалтерам процесс формирования дефицита и справедливого его распределения между учреждениями бюджетной сферы. Нередко и мнение о том, что население — это работники бюджетной сферы, а остальные — это налогооблагаемая база.

Микроциклы деятельности на территории и реестр расходных обязательств

Процессуальный и структурно-функциональный взгляд на инвентаризационные списки типа реестра расходных обязательств в России должны обнаруживать микроциклы выживания и деятельности различных субъектов на плацдармах местного самоуправления. Естественно, что на первом плане окажутся учреждения, в их «оболочке» живет население. Для социального реформатора — это учреждения здравоохранения, образования и культуры, морфология которых, как мы видели выше, используется жизненными микроциклами населения для каких-то функций.

Поскольку социологические и культурологические исследования в России практически не затрагивали эту материю, то мы о них мало что знаем³.

Вполне можно воспользоваться задачей инвентаризации расходных обязательств для построения функциональных карт популяций таких микроциклов в поселениях и выйти на их типологизацию в региональном и федеральном масштабе.

Каждое учреждение может прорисовать себя как объект реорганизации в виде функциональных циклов. Школа, больница, дом культуры нуждаются в периодических ремонтах, воспроизводстве кадров, расширении инфраструктуры услуг населению и пр. Каждый цикл имеет параметры, важнейший из которых — его периодичность. Цикл делится на функциональные блоки, каждый из которых нуждается в ресурсах, регулирующем воздействии, исходном материале для переработки и в результате, который передается следующему функциональному блоку в цикле. Эта морфология также имеет свои параметры. Наконец, от морфологических параметров исходят требования к материалу, организуемому каждой из функций в специфическую морфологию — наполнение блоков.

Функциональные карты поселения, собранные в центре самоуправления, являются материалом для обнаружения, во-первых, кооперативных связей между учреждениями — регулирующих, ресурсных, поступления исходного материала для переработки и, наконец, передачи результата, во-вторых, дублей функциональных блоков, в третьих, недостающих функций, выполняемых ненормативно, либо на случайном материале, либо без регулирования, либо без фиксированного результата, возможно и без видимых ресурсов, на энтузиазме, в четвертых, дефектов наполнений при сравнении морфологических параметров в схожих функциональных местах и т. д. Отдельно систематизируются внешние связи поселения — с районом и выше и горизонтальные связи межмуниципальные, межведомственные и пр.

До передачи району систематизированных карт, возможна постановка первичных задач на реорганизацию сети микроциклов в поселении: упорядочение дублирования, донагрузка функций дополнительными заданиями, снимающими перегрузку в других функциональных блоках, дефицит ресурсов в других микроциклах и пр. Такое упорядочение невозможно без подключения специалистов в определенной последовательности — в первую очередь, финансиста и юриста. Для них взаимодействие облегчено наличием конфигуратора в виде карты микроциклов.

³ В качестве редкого исключения можно назвать исследование поведения посетителей такого «типа» учреждений культуры, как кинотеатр, которое было проведено под руководством Б. В. Сазонова и опубликовано в упомянутой монографии «Социокультурные проблемы в муниципальном управлении».

С этого момента включаются процедуры оргпроектирования, начиная с фиксации целей. Реорганизация сети микроциклов востребует представления о тактических и стратегических целях развития поселения, целевых запросах к региональным инфраструктурам, институтам и пр.

Но главное в другом: эта работа перемещает составление списков расходных обязательств из статуса отчетной работы в статус проективной, в итоге поселение должно увидеть себя в будущем и этом смысле — обнаружить общественно значимые цели. Затем необходимо вступить в диалог с районом и другими субъектами для трансформации целей в проекты и программы, предусматривающие взаимодействие и кооперацию на территории.

Способы (оперативные системы) функционального описания

Школа, средняя и высшая, учреждения здравоохранения могут частично разгрузить учреждения культуры от несобственных функций, верно и обратное, тогда чисто экономическое (в экономической рациональности) проектирование укрупнения и слияния учреждений обретет дополняющий и ограничивающий инженерно-экономический производл смысл. Разваливающийся сельский клуб с хулиганствующими подростками и школьный вечер в том же селе могут быть деятельностно интегрированы вопреки «здравому смыслу» администраторов от культуры и образования, но только при условии функционального описания проекта, вписанного в региональную программу и молодежную политику.

Помимо указанных выше простейших, слабо отделимых от морфологии функционалов, необходимо осваивать более «абстрактные», пока не имеющие морфологических коррелятов, способы описания функций. Из примера Корбюзье ясно, что выделение опорной функции наружных стен сооружений, как независимой от инсоляционной, могло сформировать принципиальный заказ к инженерии на несущие конструкции. В качестве первых абстракций в социальной и социокультурной аналитике и предпроектном обследовании можно использовать **формулы в функции идеальных объектов**.

Исторически арифметика древнего Египта, например, сыграла роль «интерфейса» между социальными конфликтными отношениями собственников полей, границы которых приходилось ежегодно восстанавливать после разлива Нила и общественно значимой функцией земельных наделов (номов) в воспроизводстве хозяйства. Формула, даже чреватая ошибками, формирует способность функционального взгляда на морфологию.

Несущая и инсоляционная функция стен рассчитывается по разным инженерным формулам. В социокультурной сфере «гонку» позиций-кандидатов на введение первой действительности функционального проектирования выигрывает финансовая инженерия и менеджмент. Ни микроэкономист, ни правовед не обладают оперативными средствами мышления, удобными для функционального описания.

Возвращаясь к примеру с египетской арифметикой, необходимо сказать, что именно на основе арифметических формул египтян были сформированы идеальные объекты греческой геометрии и философская метафизика математики. Возможно, культурология и другие гуманитарные дисциплины дойдут в своем развитии до идеальных объектов, но социальному инженеру и культуртехнику грех сторониться формул, как их предшественников. Примеры вписывания формульной предметизации в онтологическую работу на социокультурном материале дал еще Маркс в теории стоимости, грех финансистам не помнить этот урок: финансист обязан считать не затраты, подобно бухгалтеру, а общественно значимую стоимость реализации тех или иных социокультурных функций, избегая бухгалтерско-экономического склеивания функций с морфологией учреждений «услуг».

Сегодня все еще приходится констатировать, что, вместо стоимостного анализа, чаще всего производится анализ затрат, а в качестве индикаторов результативности деятельности бюджетных учреждений — их производственные показатели, их способность произвести что-либо. В тот момент, когда от таких производственных характеристик территориальной ситуации переходят к показателям «востребованности» населением этих производственных результатов на данной территории, вводя свой местный, муниципальный или региональный стандарт, то, фактически, и переходят от затрат к стоимости. Но для этого необходимо использовать функциональный, а не морфологический подход, т. е. рассматривать, например, услугу (как функцию), которую необходимо оказывать населению на данной территории, а не то, что может произвести существующее бюджетное учреждение.

Построенная на основании анализа фактического материала функция связи затрат и показателя востребованности данной услуги⁴ дает возможность перехода от планирования затрат учреждений к проектированию затрат на реализацию расходных обязательств в рамках оказания тех или

⁴ *Зендриков Ю. М.* Опыт разработки реестра расходных обязательств // *Ежеквартальный бюллетень проекта «Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации»*. 2006. № 6; *Саверанская О. Л., Зендриков Ю. М.* Организация процесса формирования и ведения реестра расходных обязательств муниципального образования // *Муниципальная экономика*. 2005. № 4.

инных услуг населению и, следовательно, затрат на выполнение функций — обязательств, а не на производство того, что умеет делать учреждение (и что, как правило, уже никому не нужно).

Возврат к позиционному ситуационному анализу

Опыт нашей перестройки, неожиданно обернувшейся потерей ценностей и реальной угрозой перемещения центра управления социокультурными процессами за пределы страны (чего не избежали другие), показал, насколько важны сейчас, в условиях функционирования мощных машин манипуляции общественным сознанием, средства искусственно-технической, инженерной и управленческой работы с ценностями. Неявно сформулирован общественный заказ к сфере культуры, но он не доведен до технического задания деятелям культуры.

В этом смысл вышеприведенных аналогий: нужен ответ на вопрос, какой тип мышления справится с этой задачей и, соответственно, введение какого набора профессиональных позиций в культуротехнику может оснастить новыми средствами управление региональными культурным развитием. Инженер владеет конструктивным мышлением «по прототипам», т. е. смешанным функционально-морфологическим мышлением. До внедрения математики в инженерные расчеты и до появления языка принципиальных блок-схем, фиксирующих параметры дематериализованных процессов и функциональных структур, инженер работал с альбомами морфологических элементов машин и механизмов.

Финансовая и правовая инженерия менее зависимы от морфологии. Однако у них пока что нет наборов идеальных конструктивных прототипических элементов для оценочной разборки—сборки проектов в конкретных социокультурных ситуациях. В том числе поэтому они не имеют видения ни динамики социокультурных процессов, ни функций, в контексте которого финансист мог бы быстро дать стоимостную оценку культурной инициативы или устоявшейся практики услуг, а правовед соотнести их со сводом нормативных документов⁵. Это задачи ближайших лет, а пока что они должны будут опираться на экспертные оценки и простые формулы.

Культура больше не должна получать деньги за пределами необходимого выживания, пока не будет функционального, внятного (по результату) ответа финансисту, куда эти средства употреблены. Здравоохранение и образование дают формальный ответ и поэтому их тяжело изменить, у работников же сферы культуры нет такого ответа, и поэтому они не могут

⁵ Об американской практике см.: *Котельников С. И.* Советский и американский кинематограф. Сравнительный анализ // Программирование культурного развития. М.: НИИ Культуры, 1993. Вып. 2.

не меняться. Усиление позиций финансиста в сфере и его претензии на ее рационализацию, конкурентные претензиям экономиста, могут в перспективе привести его на ведущие роли в культурном менеджменте. Именно это и произошло, например, в американском кинематографе с 60-х гг. прошлого века. Из искусства он стал отраслью социокультурных технологий. Миф о ведущей роли творцов в культуре там давно забыт, а Европа вынуждена из последних сил сопротивляться американской экспансии.

Вряд ли следует забывать творцов, они не раскрыли и доли своих возможностей и достаточно нагтерпелись; новый золотой век российской культуры еще впереди, но сами они без оргуправленческого обеспечения (в частности без финансового менеджмента) сферы останутся просто интеллигенцией. Подобно инженерам в строительном проектировании, финансисты освободят творцов (как архитекторов) от рутины стоимостных расчетов эффектов социокультурных проектов, позволят культуре уйти от примитивных рыночных отношений, от непосредственной продажи творчества. Только так в геокультурном пространстве мы сможем противопоставиться и создать достойную конкуренцию американизированным технологиям. Культурная самостоятельность России обеспечена исторической практикой самостояния, но пока что не обеспечена инструментально-управленчески.

Методологическое замечание: промежуточные выводы

Начав с описания ситуации реформ в социокультурной сфере, мы, после пробных целеопределений, перешли к позиционно-деятельностному анализу ситуации и прорисовке объектов проектирования. Фактически, данная статья представляет собой сокращенную имитацию истории программирования исследований и пилотного проектирования в контексте программирования регионального социокультурного развития выполненного в Российском институте культурологии.

Цикл имитации программирования пройден, теперь, оснащенные новыми представлениями, снова вернемся к жанру анализа ситуации, пытаясь преодолеть существующую понятийную дистрофию, когда за словами нет понятий, а термины не имеют значений.

Учреждения

Характерным симптомом склеивания функций с морфологией является лозунг о разделении финансирования бюджетных и т. н. «автономных» учреждений культуры: «либо функции, либо услуги». В таком

квази-морфологизированном языке говорят также, что чиновник исполняет функции, а автономное учреждение оказывает услуги. Простейшее деятельностное понятие услуги запрещает подобные высказывания, по понятию услуга есть реализация (бесконфликтная соорганизация) разных функций, воспроизводящаяся на конкретном социокультурном материале, или на ситуативной конфигурации (вышеперечисленных) деятельностных позиций. Проще: любая из задействованных позиций не должна возражать против реализации, особенно население, тогда это услуга. При наличии конфликтов мы имеем дело с чем-то иным в зависимости от проекта продолжения. Ничего страшного в этом нет, не все в социокультурном мире, в отличие от торговли, является услугой. Протаскивание потребителя через «услугу» вне его социокультурных интересов — это типичное администрирование (не путать с административной деятельностью, которая в сфере культуры не менее важна, чем в других).

В XX в. переход от производственной парадигмы к технологической сопровождался заменой идеологии сбыта того, что уже произвели, что лежит на складе и требует своей реализации любой ценой, к идеологии анализа так называемого «реального спроса». В рамках новой идеологии постепенно возник ряд дисциплин типа маркетинга, выполняющих роль управляющей надстройки над производственными и обменными процессами, рефлексивно учитывающей «интересы» населения в рамках определенного конструкта населения (о котором мы писали выше). Некритическое заимствование представлений и практики маркетингового менеджмента при дефиците проектов и программ территориального развития сплошь и рядом приводит к росту слабо управляемых тенденций в процессах потребления. Москва, например, стала музеем «ошибок потребления» в самых разных его «отраслях». За «ошибками» маячат провалы типа краха рынка недвижимости или транспортного коллапса.

Самое простое ходовое представление об услуге отождествляет ее с материальным товаром (услуга — это якобы тот же товар, но не вещь). Такое представление снимает всякую необходимость в специальном проектировании инфраструктуры услуг, отличном от проектирования торговых сетей и бизнес-технологий, основанных на манипуляции сознанием потребителя.

Возвращаясь к перспективам назначения сферы культуры как полигона социокультурных реформ нужно отметить необходимость разработки понятийного оснащения реформ, в том числе понятием социокультурной услуги. Именно дефицит подобных оперативных понятий и создает понятийную катастрофу в программировании культурного развития, обеспечивает словесное прикрытие управленческой некомпетентности, разбазаривания средств и криминала.

Термин «учреждение» часто употребляют взамен «организации», когда по смыслу нужно изъять понимание организации как деятельности, как процесса. При этом остается неясный смысл, близкий к категории вещи. За этим часто стоит не культурная традиция учредительства самостоятельных субъектов деятельности, а практика придания некой «собственности» и статуса номенклатурному лицу: учреждения отдавались и создавались под нужного человека, умеющего исполнять функции на своем месте. При этом в оболочке учреждения прописывалась приданная ему собственность, как правило, в виде созданной из людей социальной машины, живущей по своим собственным социальным правилам и платящей за это право исполнением предписанных функций. Все это многократно описано и обыграно, особенно с появлением в России чиновничества как особого социального страта, допущенного к власти. Феномены бюрократии (не по Веберу), коррупции и прочие — всего лишь неуничтожимые проявления этой «сущности». Хотя это и не является общим правилом, важно, что такое вполне возможно.

Методологическое замечание: способы встраивания социальных машин в проекты и программы обсуждаются нами в других статьях. Здесь лишь кратко наметим эту задачу: кроме таких стандартных организованностей программирования как цели, ситуация, объекты, проблемы, необходимо введение «интересов» и соответствующее понятийное оснащение этой работы⁶.

Утеря идеологических функций учреждениями культуры эквивалентна потери смысла их деятельности, а их культурное значение (учреждение новой деятельности) не восстановлено. В реформаторских документах введен в оборот термин-прилагательное (к учреждению): «автономное». Он понадобился для отделения бюджетных организаций, продолжающих выполнять предписанные функции, от организаций, освобождаемых, частично или полностью, от этой «повинности», и допускаемых, так сказать, к «свободному плаванию». Значит ли это, что полностью «автономные» должны исполнять какие-либо функции, осталось неясным, так же, как неясен объем «свободы» в частичной автономии. Там может появиться деятельность, а может и не появиться — откуда ей взяться, если из акта «учредительства» выпали цели, ситуация, ответственные субъекты деятельности с наделяемыми правами и ресурсами и прочие атрибуты компетентной организации деятельности и управления? Все наоборот: «автономным» урезают бюджетное финансирование. Осталось неясным, повторяется ли экономическая «приватизация» начала 1990-х гг., или это очередное перераспределение номенклатурной «собственности», — вызвавшая

⁶ Котельников В. С. История и структура понятия интерес // Деп. в ИНИОН РАН. 2000. 18 дек. № 56137.

сильные волнения экспертов, а также корпоративных и клановых цехов, проживающих в «учреждениях» культуры.

Эта неразбериха — симптом управленческой некомпетентности или тончайший скрытый замысел с неясными целями, своего рода управленческая провокация испугом (как было в случае монетизации льгот), атака на социальные машины. Скорее, первое: исчезающие объекты руководства под вывеской «учреждений культуры» реформаторы пытаются обнаружить под новыми именами вместо того, чтобы задуматься об объектах подлинного функционально-деятельностного учредительства, т. е. об объектах проектирования, организации и управления.

Реально руководящими (но не управляющими⁷) учреждениями сегодня являются бюджетно-распределяющие отделы (культуры и прочие) при территориальных администрациях. Возможно, непродуманная реформаторская атака направлена на некомпетентность этих распределительных узлов. Возможно, за нововведением стоит негодная реализация идеи превратить распределителя в финансиста. Пока ничего, кроме новой волны понятийного хаоса и мутной воды для ловли денег она не породила. Добросовестные специалисты в сфере культуры, разыскивающие свою миссию в новой общественно исторической ситуации, растеряны и обескуражены полным отсутствием ориентиров.

По замыслу автономные учреждения должны создаваться при территориальной администрации для исполнения ее целевых заданий, но в социальном плане это интерпретируется как отказ от финансирования. Действительно, никто в администрациях не закрепляет за собой проектных по сути обязательств перед «автономщиками», формул расчета эффективности реализации заданий и целевого финансирования. Новых стандартов и норм целевого финансирования как не было, так и нет. Соответственно, никто не хочет брать статус «автономности», поскольку известно, что не «по праву», а «по совести» от доброго губернатора или мэра дадут меньше, чем сейчас. На что следует угроза лишиться прав на всякие «предпринимательские» инициативы, «прибыль» от которых дополняет сегодня бюджетные отчисления.

Не меньше недоразумений с представлением о прибыли. Ясно только, что прибыль не имеет целевого назначения (что, собственно, противоречит понятию прибыли) и нужна экономисту-администратору только для налогов. Это издержки чисто экономического проектирования реформ. Зачем прибыль работнику культуры, он ведь должен реализовать вполне определенную общественно значимую функцию? Иначе как попыткой

⁷ О различии этих понятий см.: *Щедровицкий Г. П.* Автоматизация проектирования и задачи развития проекторочной деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М.: Стройиздат, 1975.

снятия ответственности с администрации за формирование территориальной сети культурных услуг это не назовешь. Лозунг «автономизации» учреждений лишь оттенил эту бессмыслицу.

Здесь же обнаруживается неразличенность процессов реализации функций, стандартизованных, закрепленных правом и формулами расчета эффективности, с одной стороны, и процессов развития, с другой. Автономизация инициатив работников культуры могла бы сыграть свою роль при определении шага развития сети услуг. Прибыль тут ни при чем, учреждения культуры не являются чисто экономическими субъектами рынка социокультурных услуг.

Понятийная расчистка в сфере культуры крайне необходима, и, что интересно, менее затруднена, чем в монопрофессионализированных сферах деятельности.

Попробуйте найти в здравоохранении после его разгосударствления кого-нибудь, кто обоснованно ответил бы на вопрос: укол — это реализация функции или услуга? Никто не спросит, в каких рамках задается вопрос: речь идет об уколе при спасении жизни или при снятии ожирения. А ведь ответ на вопрос полностью зависит от рамок, от целого, в котором одна и та же по морфологии процедура будет услугой или реализацией функции. Нет рамок — значит администраторы будут планировать расходы «на уколы», а не на реализацию функций. В этой путанице, в отсутствии управленческих представлений кроется одна из причин скоростной криминализации сферы и утери врачами собственной миссии и самоопределения. Среди последствий — массовая дезориентация населения в дебрях альтернативной медицины, быстрый рост инфраструктур корпоративной медицины, прорастающих в районных поликлиниках фигурами врачей-полставочников и впрямую транслирующих на территорию страны интересы отбросов зарубежного бизнеса на здоровье, неконтролируемые расходы на модное дорогостоящее оборудование, на котором врачи не умеют работать, деградация информационного обеспечения в здравоохранении при отсутствии программ комплексной информатизации, мониторинга поражающих факторов среды обитания и пр.

Детское школьное питание в районе обязательно назовут образовательной услугой, по причине его морфологической прикрепленности к учреждению. Вся бухгалтерская отчетность пропитана «учрежденчеством». Никто пока не собирается трогать эту «базу социализма»: планы счетов, процедуры росписи по ячейкам, интерпретацию и агрегирование расходов по минфиновским статьям. Жизнь в учреждениях и бюджетных распределителях идет независимо от внешней формалистики, недоступная так называемым «реформам». Следовательно, подлинное реформирование возможно при встречном движении снизу, от проектов и программ

реальной деятельности, а не от учрежденческой бухгалтерии. Но самоорганизация внизу сейчас практически невозможна, поскольку отчитываться приходится по формам, в которых нет места инициативам. На уровне т. н. «вопросов местного значения» только сейчас разрешена самостоятельная формулировка статей за рамками строк федеральных бюджетов, но разрешена формально, поскольку система бухгалтерских счетов остается неизменной, функциональные различия в отчетности фактически запрещены, правовикам приходится трудиться в качестве адвокатов, разыскивая лазейки. Круг замыкается: не может быть никакой самоорганизации без организации и наоборот.

В сфере культуры в этом смысле положение ничем не лучше. В культурном досуге конкурс, демонстрация фильма, концерт, выставка, — сами по себе могут быть чем угодно, а в рамках городского праздника, в зависимости от замысла и финансового плана, — функцией, или особой формой услуги, или ее частью. Но здесь могут задуматься при «странных» вопросах финансиста о функционально-стоимостной обоснованности затрат на одну морфологию в разных ее функциях, тогда как в здравоохранении и образовании уже давно не думают, почти как слесари ЖКХ, подходящие к клиенту за сотней, а не по функциональному случаю ремонта бачка унитаза.

Методологические и организационные выводы

Приведенные выше коллизии экономического реформирования социокультурной сферы призваны подтвердить на материале конкретных событий некоторые неотложные выводы из позиционного анализа ситуации:

- позиционный состав и оргпроекты участия различных позиций в продвижении реформ должны быть пересмотрены;
- в проектировании крайне необходимо участие позиций (в первую очередь финансовых менеджеров), имеющих мыслительные средства функционального анализа;
- претензии экономического реформизма в сфере социокультуры должны быть ограничены за счет введения и конфигурирования других профессиональных и управленческих действительностей;
- нормативные документы реформирования должны быть подвергнуты экспертизе на предмет ликвидации разночтений между функциональными и морфологическими представлениями объектов реформирования;
- требуется понятийная расчистка терминологической путаницы в формулировках прав и полномочий различных уровней власти и агентов влияния на развитие социокультурной сферы;

- на специально выделенных региональных и муниципальных полигонах необходимо приступить к реализации пилотных проектов и программ формирования стандартов функционирования сетей культурных услуг; слабая прикрепленность функций к морфологии учреждений, значительная вариативность в формах их предоставления облегчают планирование экспериментов;
- реформы социальной сферы в силу меньшей ее готовности к ним (в том числе, в силу гораздо большей жесткости и меньшей доступности для ревизии профессиональных представлений о функциях здравоохранения, образования и коммунального хозяйства), сравнительно со сферой культуры, должны ориентироваться на результаты этого экспериментирования;
- культурные инициативы должны получать поддержку в статусе агентов регионального культурного развития преимущественно в рамках такого проектирования.